

«УТВЕРЖДАЮ»
Первый проректор УрФУ,
Д. В. Бутров
« 02 » 2024 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию Фостовой Сюзанны Андреевны
**«Историко-культурное наследие в фокусе региональной политики
памяти в Калининградской области (1945–1991 гг.)»**,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1. – Отечественная история

Как формируется локальная память, какую роль в этом процессе играет официальная историческая доктрина и как она зависит от общественной активности? Как участвуют в этом процессе институты памяти – музеи, общества охраны памятников истории и культуры и другие организации? Эти вопросы сегодня занимают важное место в актуальной повестке исторической науки и во многом определяют содержание и структуру представленного к защите диссертационного исследования Сюзанны Андреевны Фостовой. Работа интересна не только тем, что раскрывает на богатом фактическом материале как работает официальная политика памяти, ее механизмы и результаты влияния. В диссертации представлен и другой срез политики памяти, связанный с общественной активностью в вопросе сохранения историко-культурного наследия, которая нередко противостоит официальной линии.

Калининградская область, присоединенная к РСФСР по результатам Потсдамских соглашений и пережившая историческую перезагрузку, представляет в этом отношении уникальный объект для исследования. Он позволяет изучить процессы конструирования новой памяти места и замещения реальной истории новым историко-идеологическим конструктом, фактически формирования новой коллективной исторической памяти.

Диссертация интересна еще и тем, что показывает, как материальная память места (историко-культурное наследие) сохраняется и пробуждает интерес к реальной истории региона в пришлое население (мигрантах), фактически вытеснивших автохтонное население.

Подобный ракурс исследования проблем формирования исторической памяти встречается нечасто и представляет собой одно из направлений *memory studies*, значимость которого возрастает в эпоху глобальных массовых перемещений и принципиальных сдвигов в составе населения за счет миграционного компонента – носителей «другой» культуры.

В этом отношении диссертация отличается не только актуальностью, но и очевидной новизной, расширяя спектр сюжетов и выводя локальную тематику советизации отдельной территории на уровень общетеоретических обобщений и намечая новые перспективные направления для исследований.

Цель диссертации и объект сформулированы вполне корректно. В качестве объекта исследования обозначена региональная политика памяти в послевоенный период истории Калининградской области. Цель определена как выявление и характеристика особенностей политики памяти в отношении историко-культурного наследия в Калининградской области в советский период. Некоторые сомнения вызывает определение предмета, где перечисляются конкретные сюжеты – анализ содержания регионального исторического нарратива, отношения калининградского социума к историко-культурному наследию края и особенности коммеморативных практик, которые опосредованно связаны с политикой памяти, но в описании предмета исследования не раскрыто, как эта связь устроена.

В свою очередь, предмет уточняется задачами исследования, они раскрывают основные параметры политики памяти: направления политики памяти (включая анализ исторического нарратива), ее акторы и посредники; особенности отдельных этапов реализации политики памяти; место историко-культурного наследия в политике памяти.

Во введении сформулированы и основные понятия, которыми оперирует автор, в их числе – «историческая политика» и «политика памяти», «мнемонический режим», «мемориальный ландшафт» и др. (с. 21–24). Автор фиксирует дефиниции понятий и использует их инструментально, что, видимо, простиительно для кандидатской диссертации, но вызывает ряд вопросов, связанных с уточнением и разночтениями в интерпретации некоторых понятий. В частности, в диссертации рассматриваются официальный и неофициальный варианты политики памяти, но эти понятия практически не используются и не востребованы автором при анализе мероприятий и практик, оставляя без внимания реальные сценарии меморизации, стратегии политики памяти и связанных с ними акторов.

Другой особенностью введения является предложенная автором периодизация политики памяти, положенная в основу структуры текста диссертации. Автор выделяет четыре этапа (с. 4):

1 этап: 1945–1956 гг. – период становления политики памяти, нацеленной на формирование нового образа территории, в том числе исторического прошлого;

2 этап: 1956 – середина 1960-х гг. – период, совпадающий с хрущевской оттепелью и завершающийся угасанием либеральных тенденций, влиявших на политику памяти в области;

3 этап: конец 1960-х гг. – первая половина 1980-х гг. – проявление конкурентных стратегий политики памяти, в том числе исторических нарративов;

4 этап: вторая половина 1980-х гг. – 1991 г. – период радикальных перемен в публичном отношении к историко-культурному наследию края.

Поскольку периодизация опирается на выделение особенностей политики памяти и носит в этом смысле скорее аналитический, нежели эмпирический характер, она нуждается в дополнительном обосновании. Размещение ее во введении в качестве отправной точки возможно только при условии ссылки на труды либо самого автора, где процедура построения периодизация описана

более подробно, либо на работы других авторов, если она заимствована из историографии рассматриваемой темы.

Большим достижением автора следует считать разнообразную источниковую базу, которая включает не только традиционные виды письменных источников (архивных и опубликованных), но и изобразительные документы (видовые открытки, фотографии), художественные произведения, периодическую печать, воспоминания, интервью. Тщательная работа с источниками позволила соискательнице в целом раскрыть изучаемый объект и предмет диссертации в соответствии с основными направлениями исследования: анализом исторического нарратива (официального и неофициального), топонимической среды, архитектуры и памятников. В качестве дополнительных сюжетов в главах дана характеристика акторов/посредников, среди которых рассмотрены не только органы власти, но и музеи, общество «Знание», СМИ, ВООПИК и другие общественные организации.

Диссертация состоит из четырех глав, построенных по хронологическому принципу с учетом приведенной во введении периодизации. Такая структура позволила автору проследить основные тенденции и варианты трансформации политики памяти и выделить ее особенности применительно к каждому этапу. В Заключении С. А. Фостова делает вывод, что «проводимая в области политика памяти во многом носила ситуационный характер, в некоторых случаях могла под давлением объективных обстоятельств и воздействием общественных инициатив отступить от генеральной линии» (с. 260), подчеркивая силу влияния различных объективных и субъективных факторов.

Очень интересна сквозная тема о конструировании новой «славянской» истории места и механизмах включения ее в массовое сознание новых жителей Калининграда и области – вчерашних переселенцев. Она включала такие сюжеты как славянские корни автохтонного населения, борьба с крестоносцами, Великое посольство Петра I, события Наполеоновских войн. Основным историческим событием, определившим судьбу Калининграда, стала Великая Отечественная война, положившая начало новой советской эпохе.

В качестве инструментов формирования исторического сознания использовались не только умолчание и забвение, но также перекодировка и прямые фальсификации.

В качестве основного актора политики памяти, особенно на начальном этапе, обозначены региональные власти. С течением времени их активность снижается и на сцену выходят представители культуры – писатели, краеведы, архитекторы, ставшие носителями иной культуры памяти, направленной на сохранение остатков историко-культурного наследия Калининграда и Калининградской области и реанимацию истории места. Интерес к ней был во многом сформирован сохранившимся историко-культурным капиталом территории, а также символическим капиталом, связанным с именем и гением И. Канта.

Интересен сквозной сюжет о роли и месте краеведческого музея как медиатора исторической памяти населения Калининграда и области, а также многочисленных туристов, посещавших бывшую прусскую столицу. Их поток особенно вырос в 1970–1980-е гг., придавая городу статус туристского центра.

Заслуживает внимания сюжет о процессах советизации и освоения пространства области путем смены топонимов (переживших несколько волн). В июне 1950 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал указ, в соответствии с которым были переименованы 1 065 поселений в области (с. 248), и это было только начало. Аналогичные процессы всевозможных переименований – городов, сельских населенных пунктов, предприятий и организаций, улиц и природных памятников – были характерны для многих присоединенных территорий – Южного Сахалина, Курил; переименования в послевоенный период охватили территории расселения депортированных народов, т. е. это была политика, поощряемая и инициированная на союзном уровне и с разной степенью активности реализуемая на местах.

Изменилась и меморативная среда города, частью которой были памятники деятелям науки, культуры, политическим и военным представителям немецкой истории – большая часть их была уничтожена бомбардировками,

остальные снесены и их место заняли памятники российским и советским полководцам, мемориалы Великой Отечественной войны. Как отмечает автор, «создание новой советской области по итогам Второй мировой войны на бывшей немецкой территории оказало решающее влияние на региональный исторический нарратив, сделав военные события главными для коммеморативных практик, а также текстовых и визуальных репрезентаций» (с. 98).

Но несмотря на тотальную «чистку» мест памяти, активную трансляцию новой истории Калининграда, в городе сохранились памятные места, связанные с именами Канта и Шиллера, руины замка, Кафедральный собор и другие архитектурные сооружения и места памяти – материальные следы прежней истории. Это историко-культурное наследие оказывало значительное влияние на градостроительные инициативы и меморативные практики творческой и научной интеллигенции Калининграда, заинтересованной в восстановлении реальной истории. Свою роль сыграли краеведческие исследования, расцвет которых приходится на 1960-е гг., а также развитие познавательного туризма и потребность в создании путеводителей для приезжающих в регион.

Таким образом, историко-культурное наследие оказалось в центре внимания и властей, и общественности и содействовало переформатированию локальной коллективной памяти. По мнению автора, «главными движущими силами этого процесса становились городские предприятия и организации, учреждения культуры и образования, а также общественные организации, а в качестве координатора выступали городские власти» (с. 204).

В целом, перед нами законченное исследование с богатой фактографией, обоснованными выводами, интересной и грамотной постановкой исследовательской проблемы и системным анализом ее основных положений. Это не исключает уточняющих вопросов и возможных рекомендаций к последующей разработке темы.

Во-первых, на наш взгляд, в тексте диссертации не хватает информации об основных направлениях советизации области, связанной в том числе с процессами выселения немцев – носителей локальной памяти и переселением на

освобожденные земли выходцев из разных регионов СССР. Характеристика нового населения Калининграда и области, его половозрастного состава, социальной и профессиональной структуры позволила бы более четко представить объект политики памяти и оценить ее эффективность.

Во-вторых, видимо, в силу каких-то неочевидных причин произошло смещение фокуса внимания автора на процессы реконструкции и эволюции меморативного ландшафта Калининграда. Область охарактеризована очень схематично. Вместе с тем важно понять, насколько сильно пострадало историко-культурное наследие в других городах Калининградской области – так же сильно, как в Кенигсберге? Можно ли привести примеры поселений, сохранивших «немецкий» дух, или перекодировка меморативного ландшафта и памяти протекала по тем же лекалам и с той же интенсивностью, что в областном центре?

В-третьих, один из выводов автора диссертации касается роли региональных властей в разработке и реализации политики памяти. Следовало бы уточнить: местная власть была проводником решений центральной власти и полностью от них зависела или же обладала в этом вопросе некоторой самостоятельностью? Если, да, то важно обозначить границы этой самостоятельности.

Высказанные здесь вопросы и замечания не влияют на общую положительную оценку представленной к защите диссертации, а скорее призваны уточнить ее положения. Исследование отвечает основным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, содержит анализ сложной проблемы и обоснованные выводы, презентует новые, важные для исторической науки факты.

Полученные в ходе исследования результаты прошли апробацию на конференциях, а также представлены в ряде статей, шесть из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК. Автореферат и публикации соискателя соответствуют теме диссертации и полностью отражают ее содержание.

Диссертация отвечает требованиям актуальности и новизны, выполнена в русле современных тенденций развития исторической науки. Диссертационное исследование Фостовой Сюзанны Андреевны соответствует пунктам 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор достойна присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, профессором О. В. Горбачевым, обсужден и единогласно утвержден на заседании кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления департамента «Исторический факультет» Уральского гуманитарного института, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (протокол № 8 от 29.11.2024 г.).

Заведующая кафедрой документоведения,
архивоведения и истории государственного
управления
доктор исторических наук
(по специальности 5.6.1 –
Отечественная история), доцент,
Мазур Людмила Николаевна

Федеральное государственное автономное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», 620062, Екатеринбург, ул. Мира, 19, тел. (343)375-45-07, rector@urfu.ru, http: //urfu.ru

02.12.2024 г.

Подпись Мазур Л.Н.

Заверяю ведущий документовед

С.В. Жукова